

**Д.С. Мережковский и его посмертная борьба
с большевизмом: сборник статей «Европа лицом
к лицу с СССР» (1944)**

В.Э. Молодяков

Аннотация: Посмертный сборник антибольшевистской публицистики Д.С. Мережковского «Европа лицом к лицу с СССР» (1944) на французском языке является большой редкостью на книжном рынке и практически не исследован. Составленная и переведенная другом автора, переводчиком и эссеистом Жаном Шюзвилем (1886–1974), убежденным противником большевизма, книга включает как тексты, ранее опубликованные по-русски, так и известные в печати только во французском переводе. Книгу открывают предисловия Шюзвиля и Зинаиды Гиппиус (второе также не публиковалось по-русски). В настоящей статье дана краткая характеристика текстов, не публиковавшихся на русском языке, поставлен вопрос о поиске их русских оригиналов и сделана попытка восстановить обстоятельства издания сборника в оккупированном нацистами Париже. После Второй мировой войны книга была запрещена во Франции, и большая часть ее тиража уничтожена.

Ключевые слова: Мережковский, публицистика, эмиграция, политика, Франция, большевизм, перевод

Информация об авторе: Василий Элинархович Молодяков, доктор политических наук, профессор, университет Такусёку, Токио, Япония. E-mail: dottore68@mail.ru

Заглавие данного сообщения отсылает к статье В.А. Злобина «Д.С. Мережковский и его борьба с большевизмом»¹, опубликованной в журнале «Возрождение» в 1956 г. Содержание ее хорошо известно, поэтому остановлюсь лишь на одном эпизоде из числа наименее изученных — посмертном издании сборника антибольшевистской публицистики Мережковского «Европа лицом к лицу с СССР»², ныне являющемся большой редкостью на книжном рынке (я использовал экземпляр из своего собрания).

¹ В настоящей работе цитируется без дополнительных сносок по: Злобин В. Тяжелая душа. Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения. М., 2004. С. 19–29.

² *Merejkowsky D. L'Europe face à l'U.R.S.S. Paris, 1944.* Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страниц.

В феврале 1944 г. парижское издательство «Mercure de France» выпустило этот сборник, составленный и переведенный другом автора Жаном Шюзвилем (Jean Chuzeville; 1886–1974)³, поэтом, критиком, переводчиком русской, немецкой и итальянской литературы (Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, «Разговоры с Гёте» И.П. Эккермана, антологии русской и итальянской поэзии, сборники «Немецкие мистики» и «Итальянские мистики»). Шюзвиль перевел на французский язык три книги Мережковского: «Пророк русской революции», «Данте», «Лики святых. От Иисуса к нам» и написал этюды «Дмитрий Мережковский. Русская душа и мы» (1922) и «Рим и Интернационал. Пророчество Достоевского» (1927). Антология его переводов «Испанские мистики» (1952), возможно, обязана своим появлением влиянию Мережковского.

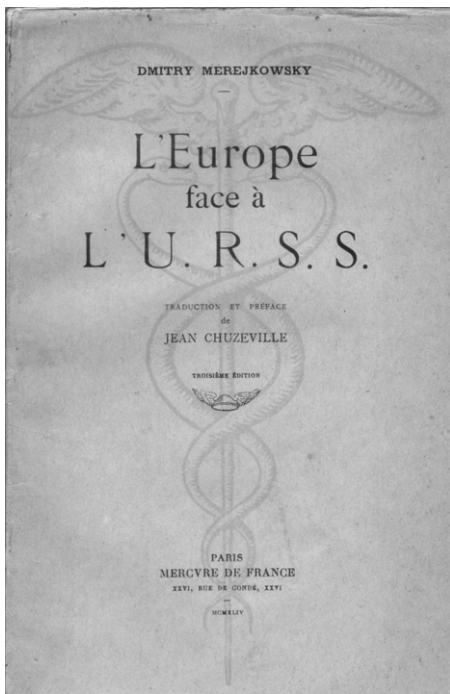
Как и его друг, Шюзвиль был убежденным антикоммунистом и противником большевиков, перевел «белоэмигрантов», а не советских писателей, хотя в «довоенной, большевизанствующей Европе» (определение Злобина) это было выгодно. По заказу итальянского правительства — которое по указанию Муссолини обеспечило Мережковскому условия для работы над книгой о Данте — он перевел на французский язык том работ Муссолини и «Историю фашистского движения» Дж. Вольпе, изданные в Италии. Видимо, поэтому сведения о Шюзвиле в отечественных публикациях отличались лаконизмом, особенно в советское время⁴.

Основу сборника «Европа лицом к лицу с СССР» составила книга «Царство антихриста», включавшая также тексты Гиппиус, Философова и Злобина; в 1921 г. она вышла по-русски в Германии и в том же году была переведена на немецкий и французский языки. В новом издании перепечатаны: «Большевизм, Европа и Россия», «Крест и пентаграмма», «Записная книжка» Мережковского; «История моего дневника», «Черная книжка», «Серый блокнот» Гиппиус. Переводчиком «Царства антихриста» в 1921 г. был Анри Монго, хотя на титульном листе его фамилия не указана; сверку переводов двух изданий я не производил.

В сборник «Европа лицом к лицу с СССР» включены и более поздние тексты. Статья Мережковского «Страшное письмо» и «открытые письма» Г. Уэллсу, Ф. Нансену, Г. Гауптману, папе Пию XI и Э. Бюре печатались и по-французски, и по-русски — они есть в сборнике «Царство антихриста. Статьи периода эмиграции» (2001). Статьи (в порядке следования в сборнике 1944 г.) «Будущее Евро-

³ О нем подробнее: *Молодяков В.Э.* «Призрачный набат»: Валерий Брюсов, Жан Шюзвиль и русские символисты по-японски // *Невский библиофил. Альманах.* Вып. XXI. СПб., 2016. С. 112–124.

⁴ Пример — вступительная заметка Т.Г. Динесман к подготовленной ей публикации: Предисловие В.Я. Брюсова к французской «Антологии русских поэтов» // *Литературное наследство.* Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 200–201.

пы» («Revue de Genève», январь 1922), «Андре Жид и СССР», «Мольер и Россия», «Французские Керенские» («L'Éclair», 1925), «Французы, откройте глаза и будьте начеку!» («L'Éclair», 1925) и открытое письмо Гиппиус левому французскому политику Э. Эррио («Le Gaulois», 1922) по-русски не публиковались ни при жизни, ни после смерти авторов (благодарю за справку О.А. Коростелева).

Надеюсь, оригиналы этих статей найдутся, и мы увидим их в печати. Пока же коротко представлю их.

«Будущее Европы» в одноименной статье Мережковский прямо связывал с ее реакцией на происходя-

щее в России. «Ужасен тот факт (хотя мы к нему уже привыкли), что европейский народ превратился в людоедов. Однако стократ ужаснее тот факт, что соседние народы спокойно взирают на этот ужас и думают лишь о своей выгоде, о заключении торговых и военных договоров с новыми каннибалами» (Р. 69). Это прямая отсылка к известным словам британского премьера Дэвида Ллойд Джорджа — главного антигероя статьи — «торговать можно и с людоедами». Напомнив, что Россия принадлежит к европейской культуре, автор одновременно отверг утверждение о том, что большевизм — сугубо русское явление, назвав его порождением европейского хаоса. Статья — характерный для Мережковского призыв к благоразумию Европы, если уж ее совесть молчит.

Статья «Андре Жид и СССР» (без даты, первая публикация не указана), судя по содержанию, написана в первой половине 1930-х годов, когда Жид занял видное место среди «большевианствующих» буржуазных литераторов, но до его поездки в СССР и разочарования в «коммунистическом рае». По мнению Мережковского, большевики и современные европейские буржуа почти неотличимы друг от друга: их сближают «отрицание личности» и «воля к небытию (ничтожеству)» (*volonté du néant*). Имеет смысл в будущем

сопоставить эту статью с критикой «большевиизма» Жида в те же годы у французского консервативного критика и публициста Анри Массиса⁵.

Эссе «Мольер и Россия» (без даты, первая публикация не указана), судя по словам о «поднятом бокале», является речью на банкете. Мережковский использовал слова Альцеста из «Мизантропа» для характеристики отношения Европы к большевикам — несправедливого и пагубного для нее самой.

Памфлет «Французские Керенские» вызван официальным признанием СССР правительством «Левого блока» во главе с Эррио, с которым Мережковские были знакомы (политик благожелательно упомянул их в мемуарах «Из прошлого»⁶). Автор предупреждал об опасности, которая грозит Франции с открытием советского полпредства и легализацией большевистской пропаганды. Сравнив деятелей «Левого блока» с Керенским — своим бывшим другом — Мережковский заметил, что в отличие от русского «прототипа», «французские Керенские», похоже, поступают обдуманно, знают, что делают. Статья начинается словами: «Разве пророкам кто-нибудь внимает или хотя бы слушает их? Но как можно оставаться глухим к голосу тех, кто, ни о чем не пророчествуя, рассказывает другим о пережитых им опасностях? Стало быть, чужой опыт ничему не служит. Глухота Европы, когда ей говорят о коммунизме, стала чрезмерной» (Р. 120).

К этой теме писатель вернулся в статье «Французы, откройте глаза и будьте начеку!» — отклике на решения XIV Всесоюзной конференции РКП(б) в конце апреля 1925 г. и предшествовавшего ей Пятого расширенного пленума Исполкома Коминтерна о расширении революционной пропаганды в Европе. Обращая внимание на откровенный характер этих *официальных* заявлений, Мережковский апеллировал уже не к правительству, а к народу Франции.

Гиппиус в резком открытом письме к Эррио, назвавшему ее в мемуарах «горячим другом Франции», оценила его восторженные впечатления от посещения Советской России в 1922 г. как большевистскую пропаганду: «Вы увидели только то, что большевики позволили вам увидеть, и узнали только то, что они позволили вам узнать. [...] Большевики открыто посмеялись над вами» (Р. 101–102).

Сборник «Европа лицом к лицу с СССР» открывают два предисловия. Первое — речь Шюзвиля 5 сентября 1943 г. на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа при открытии памятника на могиле Мережковского, поставленного на средства французских издателей. Говоря в основном о его значении как мыслителя, оратор отметил борь-

⁵ Massis H. Petite histoire des variations (1933; P.S. 1934) // Massis H. Débats. I. Paris, 1934. P. 51–70.

⁶ Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958. С. 141–142.

бу покойного против большевизма как «отрицания всех положительных ценностей старой Европы» и упомянул, что с нападением Германии на СССР «в душе Мережковского пробудилась последняя надежда» на то, что «Европа, страна “святых чудес”, будет спасена и русский народ освободится от ненавистного режима» (Р. 11).

Предисловие Гиппиус «Европа лицом к лицу с СССР» напоминало о неслышанных предупреждениях Мережковского, основанных, подчеркивала она, на собственном опыте. «Как повезло Европе, отупевшей от собственной беззаботности, что нашлись отважная страна и “единая воля” дабы в последний момент расстроить планы Советов, очевидные для любого разумного человека» (Р. 15). Но прямо «отважную страну» Гиппиус не назвала. Текст не опубликовался по-русски; местонахождение его оригинала неизвестно.

История подготовки и издания сборника 1944 г. в литературе не описана. Полагаю, что его инициатором был Шюзвиль, желавший материально помочь Гиппиус. Вероятно, в подготовке книги принимал участие Злобин, который ограничился беглым упоминанием, что издательство «каким-то чудом умудрилось [ее] выпустить»; в книге «Тяжелая душа» сборник вообще не упомянут. Учитывая роль Злобина в жизни Мережковских, Василий Яновский, мемуарист пристрастный и не всегда точный, назвал его «злым духом их дома», «ответственным за все безобразия последнего периода [их] жизни»⁷. О его участии в организации известного прогерманского выступления Мережковского по радио вспоминал и Юрий Терапиано, правда, не усматривавший в поступках Злобина идеологических мотивов⁸. Возможно ли, что в написании предисловия Гиппиус принимали участие Злобин и Шюзвиль? Ответы на этот и другие вопросы можно найти только в архивах Шюзвиля и издательства «Mercure de France» за тот период, если таковые сохранились.

«Ныне это издание — библиографическая редкость, — сообщил Злобин в 1956 г. — Не оттого, однако, что оно распродано, а исключительно благодаря усердию французских коммунистов, целиком его уничтоживших после освобождения Парижа от немцев». Такая судьба постигла книги многих авторов. В марте 1945 г. сборник статей Мережковского попал в список изданий, официально запрещенных властями по представлению прокоммунистического Национального комитета писателей⁹. Позднее он не переиздавался и очень редко встречается на букинистическом рынке даже во Франции.

⁷ Яновский В. Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 124.

⁸ Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 95.

⁹ Cardot C.-A. Guidargus du livre politique pendant l'Occupation (1940–1944). [Veyre-Monton], 2006. P. 479.

«Расправа — не менее решительная — ждала и автора, — продолжал Злобин. — К нему [...] явилось несколько вооруженных пулеметами мрачного вида личностей, перепугавших насмерть консьержку. Но Мережковского в живых уже не было, и “мстители” ретировались несолоно хлебавши». Прокатившиеся по Франции после освобождения и продолжавшиеся несколько лет репрессии против «коллаборантов» велись не только голлистами, но социалистами и коммунистами, а те использовали их для расправы с политическими противниками, включая ярых германофобов. «Чистка» (*l'Épuration*) могла коснуться и антикоммуниста Шюзвиля, публиковавшегося в оккупированном Париже. Достоверно этого мы не знаем, но его послевоенный переезд в Италию и длительное пребывание в Риме (где он жил еще до войны) похожи на спасение от преследований.

Тексты Мережковского и Гиппиус из сборника «Европа лицом к лицу с СССР» заслуживают републикации и дальнейшего изучения, как и история их отношений с Жаном Шюзвилем, чья деятельность по пропаганде русской литературы и мысли во Франции остается малоизвестной и недооцененной в России.

Литература

Злобин В. Тяжелая душа. Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения. М.: Интелвак, 2004. 624 с.

Молодяков В.Э. «Призрачный набат»: Валерий Брюсов, Жан Шюзвиль и русские символисты по-японски // Невский библиофил. Альманах. Вып. XXI. СПб.: Северная звезда, 2016. С. 112–124.

Предисловие В.Я. Брюсова к французской «Антологии русских поэтов» / Публ. Т.Г. Динесман // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 200–204.

Тератиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Эссе, воспоминания, статьи. Париж: Альбатрос; Нью-Йорк: Третья волна, 1987. 352 с.

Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1958. 772 с.

Яновский В. Поля Елисейские. Книга памяти. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 278 с.

Cardot C.-A. Guidargus du livre politique pendant l'Occupation (1940–1944). [Veyre-Monton], 2006. 488 p.

Massis H. Débats. I. Paris: Plon, 1934. 260 p.

Merejkowsky D. L'Europe face à l'U.R.S.S. Paris: Mercure de France, 1944. 224 p.

References

Herriot E. *Iz proshlogo. Mezhdy dvumya vainami. 1914–1936* [From the Past. Between Two Wars. 1914–1936]. Moscow, Inostrannaja literatura Publ., 1958. 772 p (In Russ.).

Molodiakov V.E. “*Prizrachnyi nabat*”: Valery Bryusov, Zhan Shyuzvil’ i russkiye simvolisty po-yaponsky [“Ghost Tocsin”: Valery Bryusov, Jean Chuzeville and Russian Symbolists in Japanese translation]. *Nevskiy Bibliofil. Al'mahakh* [Peterburg Bibliophile. Almanach], vyp. XXI. Saint-Petersburg, Severnaya Zvezda Publ., 2016, pp. 112–124. (In Russ.)

Predislovie V.Ya. Bryusova k frantsuzskoi “Antologii russkikh poetov” [V.Ya. Bryusov’s Introduction to French “Antology of Russian Poets”]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. T. 85. Valeryi Bryusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 200–204. (In Russ.)

Terapiano Yu. *Literaturnaya zhizh’ russkogo Parizha za polveka (1924–1974). Esse, vospominaniya, stat’yi* [Half-a-Century of the Literary Life of Russian Paris (1924–1974). Essays, Memories, Articles]. Paris, Albatros Publ.; New York, Tret’ya volna Publ., 1987. 352 p.

Yanovskiy V. *Polya Eliseisskiye. Kniga pamyati*. [Elysian Fields. Book of Memories]. Saint-Petersburg, Pushkinskiy Fond Publ., 1993. 278 p.

Zlobin V. *Tyazhelaya dusha. Literaturnyi dnevnik. Vospominaniya. Stat’yi. Stihotvoreniya* [The Difficult Soul. Literary Diary. Memoirs. Articles. Poems]. Moscow, Intelvak Publ., 2004. 624 p. (In Russ.)

Cardot C.-A. *Guidargus du livre politique pendant l’Occupation (1940–1944)*. [Veyre-Monton], 2006. 488 p.

Massis H. *Débats. I*. Paris: Plon, 1934. 260 p.

Merejkowsky D. *L’Europe face à l’U.R.S.S.* Paris: Mercure de France, 1944. 224 p.

D.S. Merezhkowsky and His Posthumous Fight Against Bolshevism: Articles’ Collection “Europe Faces the USSR” (1944)

Vassili E. Molodiakov

Abstract: Posthumous French-language collection of D.S. Merezhkowsky’s anti-Bolshevist essays “Europe Faces the USSR” (1944) is very scarce in book market and remains almost unstudied. Edited and translated by the author’s friend Jean Shuzeville (1886–1974), essayist, translator and ardent anti-Bolshevik, this collection includes texts previously published in Russian language as well as ones known only in French translation. The book also contains two prefaces, one by Shuzeville himself and one by Zinaida Hippus (this also not published in Russian). The present article gives a brief description of texts not published in Russian, raises question of finding out its Russian language originals, and tries to reconstruct whereabouts of this collection’s publishing in Nazi-occupied Paris. After the Second World War the book was banished and remained stock destroyed.

Keywords: Merezhkowsky, essays, emigration (exile), politics, France, Bolshevism, translation.

Information about author: Vassili E. Molodiakov, LLD, PhD, Professor, Takushoku University, Tokyo, Japan. E-mail: dottore68@mail.ru

Зинаида Гиппиус
Европа лицом к лицу с СССР

(перевод Василия Молодякова с французского перевода Жана Шюзвиля)

Некоторые главы этой книги появились в сборнике, озаглавленном «Царство антихриста» и вышедшем в 1920 г. [следует: в 1921 г.] по-русски, по-немецки и по-французски. Принадлежащие Д. Мережковскому страницы написаны после нашего бегства из большевистской России. В течение десяти месяцев в Польше мы много выступали, но уехали из этой страны в Париж, когда она подписала мир с большевиками. Нам, уже знавшим истинную сущность Советов, этот мир не позволял сомневаться, что «Польшу рано или поздно постигнет новая кровавая катастрофа», как я написала в предисловии ко второму изданию нашей книги.

Ее мысли и утверждения просты и ясны. «Война не окончена, — говорили мы. — Европа обманывается, если верит, что, подписав мир с большевистской Россией, сможет избежать катастрофы, в которую рано или поздно рухнет. Большевики никогда (мы это знаем по опыту и проникли в самую их суть) не откажутся от своей главной идеи: мировой революции. Они могут скрывать ее, терпеливо выжидать, лавировать, но воспользуются первой же представившейся возможностью».

У нас не было иной цели, кроме как показать правду европейским народам, подчеркнув, что речь идет о них самих. «Французы, откройте глаза и будьте бдительны!» — писал Д. Мережковский в 1922 г. С твердой уверенностью, что Европа грешит только невежеством, что ей удастся открыть глаза, мы принялись за дело. Разве не для этого мы предприняли столь опасный побег?

Труд оказался тяжелым и неблагодарным. В «открытом письме французскому другу» [Э. Бюре], включенном в настоящий сборник, автор подробно рассказал о своих безнадежных попытках заставить услышать его, перечисляя имена самых известных людей, к которым мы зывали, вплоть до Его Святейшества Пия XI, к которому Д. Мережковский обратился (в момент Рапалло), — но Европа осталась глухой и немой. Не то чтобы она не видела правду: доказательства, предъявленных не только нами, потрясающих свидетельств о коварстве большевиков, об их лжи, об угрозе, которую они представляют для жизни Европы, таких доказательств и свидетельств было предостаточно. Но Европа не хотела ничего видеть, погрязнув в беспечности и отупении, которые заставляли вспомнить знаменитую поговорку: кого боги хотят наказать, того они лишают разума.

По страницам этой книги легко почувствовать удушающую, тяжкую атмосферу, царившую повсюду в Европе — но прежде всего во Франции — в последнюю четверть века.

Предсказывая войну, утверждая, что большевики готовят ее и не упустят случая воспользоваться всем, чем можно, чтобы распространить свою власть за счет европейских народов, что их цель (мировая революция) остается и останется, как и они сами, неизменной, мы нисколько не претендовали на роль пророков: это были чисто логические умозаключения. На деле, поняв один раз главный смысл происходящего, нетрудно выявить внутреннюю логику событий и в общих чертах предвидеть их ход. Можно было предсказать, что случится в Европе, не указывая, конечно, конкретных дат, поскольку время не принадлежит к сфере логики, тем более что в жизни порой случаются непредвиденные вещи и открываются неожиданные возможности.

Как повезло Европе, отупевшей от собственной беззаботности, что нашлись отважная страна и «единая воля», дабы в последний момент расстроить планы Советов, очевидные для любого разумного человека, и начать с ними эту колоссальную борьбу. Говорю: колоссальную, потому что приготовления большевиков к захвату Европы были столь же колоссальны, как внешние, так и внутренние. Разве не говорили одно время, что Франция уже на 40% коммунистическая?

Готовясь обрушиться на Европу всей своей военной мощью, они рассчитывали сохранить ее в целости, поскольку государства, у которых еще есть армии, заняты другим, а население прочих стран, обработанное за многие годы советскими агентами, должно было оказать им самый теплый прием. Эти агенты все время находились здесь, прежде всего в нейтральных государствах, но, к счастью, у Советов было слишком много домашних забот, чтобы устроить увеселительную прогулку по Европе.

Многие годы мы призывали страны Европы к интервенции, уверенные, что только она в сочетании с «единой волей» (как я отметила в «Черной книжке») может спасти Европу, человеческую жизнь европейских народов и сокровища цивилизации.

«Европа не может считать свою жизнь в безопасности, пока большевистская угроза не устранена с континента. Delenda Carthago. Необходимо разрушить СССР. Угроза полного уничтожения висит сегодня над Европой, неминуемая, поскольку ее не представляет никто из отказывающихся слушать наш призыв».

Те же слова, которые мы повторяли на протяжении 20 лет и которые не были услышаны, произносятся в этот час теми, кто ведет борьбу. Можно ли на этот раз остаться глухими к их призывам? Надо ли говорить снова и снова: «Французы, откройте глаза!».

Будем надеяться, что глаза европейцев, в особенности французов, даже если они еще не открыты широко, не останутся закрытыми, как это было в последние 25 лет. Мережковский утверждает, что множество зол постигает людей из-за недостатка воображения. Поэтому я призываю французов, особенно жалующихся на нынешнюю жизнь, проглядеть страницы этой книги и представить, что уготовано им в случае водворения Советов во Франции.

Перевод выполнен по: *Merejkowsky D. L'Europe face à l'U.R.S.S. Paris, 1944. P. 13–16.* В квадратных скобках — коньектуры переводчика.

Жан Шюзвиль

**Речь, произнесенная 5 сентября 1943 г. на открытии
надгробного памятника Мережковскому
на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа**

(перевод Василия Молодякова)

Когда несколько недель назад меня попросили высказаться о характере этой церемонии, первым желанием было отказаться. Кто я такой, чтобы говорить от имени множества современников, имевших возможность читать, как и я, первые книги великого русского романиста во всей свежести новизны? Я всего лишь свидетель второй части жизни Мережковского — точнее сказать, его второй жизни. Мы так распределили роли и время [церемонии], что я именно в качестве свидетеля коротко скажу о том, что Мережковский значил для нас, что он сделал для литературы своей страны, что из сделанного им имеет шанс остаться во всемирной истории идей и словесности.

Первая часть этой жизни прошла в Санкт-Петербурге, где он родился в 1865 г. Вторая, время парижского изгнания, прошла на французской земле, за исключением редких поездок в Германию и в Италию. Третья началась 7 декабря 1942 г. [следует: 1941 г.], в день, когда душа Мережковского вернулась в жизнь вечную, а тело упокоилось на этом маленьком кладбище, одновременно русском и французском, Сен-Женевьев-де-Буа.

Первая фаза — петербургская жизнь — может интересовать нас, французов, лишь в той мере, в какой она послужила подготовкой к двум другим. Мы знаем, что это была жизнь князя словесности, талант которого проявился в самых разных жанрах: поэзия, критика, драматургия и, особенно в ту эпоху, роман. Целый цикл великолепных творений: «Смерть богов» и «Воскресшие бо-

ги», за которыми по времени последовали египетские романы, предваряющие их в реальности, — можно сказать, идеально. Вместе с Зинаидой Гиппиус, но в меньшей степени, Мережковский познакомил Россию с первыми французскими символистами. Образованный и талантливый, наделенный вкусом к грандиозным построениям, даром чувствовать тончайшие связи, даром плодотворных посылок и выводов, он в то же время начал работу над серией книг, от «Гоголя», одной из первых, до посмертного «Данте»¹⁰, не являющегося последним трудом, потому что за ним следуют другие, о святых, мистиках и героях, о тех, кого он называл «вечными спутниками».

Однако в первой фазе жизни спутниками Мережковского были не святые, а великие люди, прежде всего великие писатели: Гёте, Пушкин, Шекспир, Байрон, Сервантес или Ибсен. В ту пору Мережковский проявил себя прежде всего как гуманист — гуманист, несомненно, христианский, но ограниченный человеческим, слишком человеческим, что не позволяло ему видеть мир религиозной правды в трех измерениях. Пока он ограничивался двумя [измерениями], вдохновлявшими и двигавшими его творчество: идущая на протяжении веков борьба Христа и антихриста, в которой проявились все превратности человеческой истории, с ее взлетами и падениями. Будет ли так вечно? Битва Иеговы и сатаны, Христа и антихриста, не продолжается ли она на наших глазах, в других обличьях и символах, под невинными на первый взгляд философскими ярлыками тезиса и антитезиса из гегельянской прихожей марксизма? А открытие третьего понятия, которое объединит первые два, разве оно происходит не по другую сторону нашей жизни, в смерти — не на земле, но на небе?

Откровение калабрийского монаха Иоахима Флорского о Вечном Евангелии метафизически разрубило гордиев узел этой дилеммы. Более зрелые размышления позволили Мережковскому понять без всякого аллегорического покрова смысл слов «на земле как на небе». Тогда все прояснилось, и трагедия, или загадка, нашего времени получила объяснение. История мира больше не казалась роковой цепью катастроф и бессмысленных возобновлений. Закон прогресса покоился на прочной основе: во времени — на справедливости Божией, в вечности — на славе Божией. В результате позиция автора трилогии изменилась: если в настоящем есть основания для политического пессимизма, то будущее может донести до нас отблески приближающегося Третьего Завета, который завершит дело нашего спасения, поскольку Иисус возвестил приход и наступление Царства Святого Духа «на земле как на небе».

¹⁰ «Данте» в переводе Шюзвиля вышел в 1940 г., при жизни автора.

Вся вторая фаза жизни Мережковского омыта этими сияющими предчувствиями. У него даже в самых яростных диатрибах есть вспышки, напоминающие пророческий тон [Эрнеста] Элло или [Леона] Блуа, которые прославляют пришествие Параклета. Однажды всё, наконец, возродится в Духе Святом, прежде всего и отныне — религия и наука. Таковы, в очень общих чертах, рамки, в которых вызревала верховная мысль Мережковского, одновременно метафизическая и религиозная. Она неотделима от творчества, озаренного ей, как творчество неотделимо от жизни, преображенной им... поскольку жизнь в изгнании часто была суровой, и многие из нас видели в нем лишь эмигранта, то есть человека, лишенного корней, беспокойного, даже озлобленного, непримиримого к режиму, который установился в его стране, человека, ничего не понимающего во времени, в котором он живет, и непонятого более этому времени.

Правда совсем в другом... Но положение таково, что писатель должен чаще спускаться со своих вершин, чтобы его услышали, чаще напрягать голос в справедливом негодовании. Теперь то мы слишком хорошо знаем, что речь идет о самом существовании нашей цивилизации.

Мережковский покинул Россию вскоре после революции, в разгар большевистского террора. Вместе с женой Зинаидой Гиппиус, секретарем Владимиром Злобиным и давним другом, писателем Дмитрием Философовым он смог добраться до польской границы ледяной зимней ночью 1919 г.

Подробности жизни в СССР и бегства [оттуда] рассказаны в «Записной книжке» Мережковского и в «Черной книжке» Зинаиды Гиппиус, ставших двумя главами книги «Царство антихриста». Каков бы ни был фактический интерес этих страниц, он меркнет перед объективным анализом событий и их последствий, близких или отдаленных. Мережковский не хуже Ленина знал, почему большевистская революция не остановится в России. Когда она объявила себя мировой, мы должны были понять, что это есть отрицание всех позитивных ценностей старой Европы. Именно в этом смысле она тоже является религией. За пятьдесят лет до Мережковского мыслитель Огюст Конт уже понял, что единственной великой проблемой современности является разложение христианства в европейских народах, то есть проблема религиозная. Наша общественная жизнь, настолько изъеденная снаружи, и в глубине своей уже не основывается на принципе личности — фундаменте христианства.

Европейский «буржуй с большевиками согласился в главном, — пишет Мережковский, — в ниспровержении того, на чем построена вся восходящая лестница культурных ценностей. И вот, взобравшись на верхнюю ступень, он вдруг почувствовал, что под

ним шатается вся лестница. “Провалишься”, — кричат большевики; а буржуй все еще храбрится, делает вид, что крепко держится, но про себя уже знает, что весь провалился. Весь буржуй — собственник. А что такое собственность? Если не экономическая проекция метафизического понятия личности — “где я, там и мое”, — то грабеж — и тогда: “грабь награбленное”, — буржую на это по существу возразить нечего: он провалился весь»¹¹.

Желающим узнать, что такое взаимные уступки, которые стороны вынуждены делать друг другу, Мережковский ответил поучительной аллегорией: «“Один гад съест другую гадину”, — говорит [Иван Федорович] Карамазов о лакее Смердякове, отцеубийце. Мы все сейчас, как [Иван] Карамазов — между двумя гадами, буржуйным и большевистским. Нам нужно сделать выбор между ними. Но гады так схожи, что почти не различишь. Большевистский — хочет быть красным, буржуйный — белым; но оба только пятнистые: белый — с красными, красный — с белыми пятнами... Какой же это зверь?»¹².

Я не собираюсь шаг за шагом проследивать политическую роль Мережковского. Каждое слово должно быть делом, или оно ничто. Действием, разворачивающимся на огромной невидимой сцене, со сменой многочисленных воплощений. Нетерпение, которое Мережковский порой проявлял в отношении интеллектуальной глухоты слишком многих своих современников, оставалось неизменным: никто так не осознавал свою миссию, как он. Уже в 1907 г., когда царский режим был на подъеме, он заявил европейцам: «Вам кажется, что мы переживаем естественную болезнь политического роста, которую переживали в свое время все европейские народы; кончим тем же, чем вы, остепенемся, вступаемся парламентским намордником, откажемся от социалистических и анархических крайностей и удовольствуемся буржуазно-демократической лавочкою, вместо града Божьего: так было везде, так будет и у нас. Пожалуй, и действительно, было бы так, если бы мы не были вы “наизнанку”... Когда вы, европейцы, это поймете, то броситесь тушить пожар. Но берегитесь: не вы нас потушите, а мы зажжем вас»¹³.

«Царство антихриста», «Грядущий хам» — не просто книги, но предостережения современникам. Без усталости, с упорством человека, который прав вопреки всем и знает это, Мережковский старался рассеять колебания одних и пробудить ото сна других.

¹¹ «Царство антихриста». Цит. по: *Мережковский Д.* Царство антихриста. Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 24.

¹² Там же. С. 25–26.

¹³ «Предисловие к одной книге», приведено в «Записной книжке. 1919–1920». Цит. по: *Мережковский Д.* Царство антихриста. С. 54–55.

В открытых письмах Нансену, Гергарту Гауптману, Уэллсу, обращении к Его Святейшеству Пию XI, в многочисленных статьях и выступлениях он не переставал предупреждать прежде всего французов, затем европейцев, затем весь мир: «[Я не пугаю вас, но] вспомните, что было у нас; вообразите, что может быть и у вас. Ничего не может быть до войны, говорите вы? Но так ли вы уверены, что войны не будет? А что если дождетесь?»¹⁴.

Каков бы ни был исход, апокалипсис ужасен. Горе поколениям, оказавшимся в роли шарнира при тех роковых рывках истории, что зовутся «революциями»: они рискуют быть и стертymi в прах. Многие принимают неизбежность такой судьбы. Мережковский не принимал: он знал, что рывки могут быть вызваны темными силами, гибельными по своей сущности. Когда Германия, разоблачив игру Сталина, бросилась к оказавшимся под угрозой границам, в душе Мережковского пробудилась последняя надежда: Европа, страна «святых чудес», будет спасена — и русский народ освободится от ненавистного режима, который на протяжении двадцати пяти лет уродовал его душу, уничтожая в ней не только всё благочестие, но любую способность к поэзии и к песне.

Для Мережковского борьба пришла к концу: отныне дело доверено оружию. Труд, который он задумал, когда смерть вырвала перо из его рук, был посвящен человеку, максимально далекому от политики своего времени, да и любого другого, — книга о Гёте.

Многие справедливо сожалеют, что он не оставил нам такую книгу. Многие — может быть, с меньшими основаниями — сожалеют, что Мережковский не занимался «несвоевременными размышлениями», если воспользоваться языком Ницше. Произведение, интерес к которому основан на случайностях момента, обречено на неизбежную смерть. Не участвуя непосредственно в драме своего времени, Мережковский, пожалуй, был, не скажу самым плодовитым и искусным романистом, но самым органичным мыслителем — не мог не быть таким мыслителем. «Я прикасаюсь к совершенству и к смерти», — сказал автор «Стансов» Жан Мореас в предчувствии близкого конца.

Для мысли, сообразной с душой мира, который развивается циклически, совершенство остается недостижимым пределом. Но если верно, что у каждого писателя есть страница или книга, которая обычно неизвестна широкой публике, но особенно ценится поклонниками — а они всегда чувствуют себя немного «посвященными», — я думаю, что у Мережковского таким произведением

¹⁴ «De profundis clamavi. Открытое письмо Эмилю Бюре». Цит. по: *Мережковский Д.* Царство антихриста. С. 243. Заключенные в угловые скобки слова отсутствуют в русском оригинале и во французском переводе, но есть в предисловии Шюзвиля.

являются «Тайны Востока» [в русском оригинале «Тайна Трех»], появившиеся в 1927 г. [во французском переводе], ключ к его творчеству. Ответ на наши многочисленные «почему?» написан на каждой ее странице и, без сомнения, нигде лучше, как в этих словах: «Трагедия есть непонятая мистерия».

По-моему, эта книга есть итог величайшего усилия, которое когда-либо было сделано в самом центре величайшей из пережитых нами трагедий, чтобы проникнуть в нее и объяснить ее как мистирию.

Перевод выполнен по: J.C. En guise de préface // Merejkowsky D. L'Europe face à l'U.R.S.S. Paris, 1944. P. 5–12. В квадратных скобках — конъектуры переводчика, включая слова, пропущенные Шюзвилем в цитатах из Мережковского. Иногда Шюзвиль цитирует Мережковского с сокращениями, не обозначая их; переводчик поступил так же.

ЖАН ШЮЗВИЛЬ (1886–1974) — французский поэт, критик, переводчик. В конце 1900-х и начале 1910-х бывал в России. Автор двухтомного собрания стихов «Странник и его душа» (1944), критического этюда «Дмитрий Мережковский. Русская душа и мы» (1922), памфлета «Рим и Интернационал. Пророчество Достоевского» (1927), предисловий к выполненным им переводам и журнальных статей, в том числе о русской литературе. «Статья Шюзвиля, — писал об одной из них Г. Адамович, — приятно удивляет полным отсутствием разглагольствований о тайнах славянской души, редкой трезвостью взгляда и довольно большой

осведомленностью» (Адамович Г. Литературные беседы. СПб., 1998. Кн. 1. С. 292).

Основные переводы. *С русского*: «Поэтические произведения» А.С. Пушкина в двух книгах; письма Н.В. Гоголя и его «Авторская исповедь» (на итальянский язык); «Кроткая», «Скверный анекдот» (вместе с А.М. Ремизовым), «Преступление и наказание», «Бесы» и «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского; дневники Л.Н. Толстого за 1853–1865 гг. (вместе с В.С. Познером); «Пророк русской революции», «Данте», «Лики святых. От Иисуса к нам» и «Европа лицом к лицу с СССР» Д.С. Мережковского; «Антология русских поэтов»; «Византийская живопись» и «Фра Анджелико» П.П. Муратова; сборник сказок

«Предания гор и степей». *С немецкого*: «Разговоры с Гёте» И.П. Эккермана; «Гёте» Ф. Гундольфа в трех томах; антология «Немецкие мистики XIII–XIX веков». *С итальянского*: «Антология итальянской поэзии от начала до наших дней»; антология «Итальянские мистики»; серия монографий о художниках эпохи Возрождения; «Корпоративное государство» Б. Муссолини; «История фашистского движения» Дж. Вольпе. *С испанского*: антология «Испанские мистики».

Переводы Шюзвилья из русской поэзии высоко оценены В. Брюсовым («прекрасно передают русские ритмы»), Г. Адамовичем («чрезвычайно удачные», «в них было передано не всё, что было в русском тексте, но в них почти отсутствовала “отсебятина”») и Ж. Нива («Панорама, которую дает Шюзвиль, богата и хорошо представляет век символизма в России»). — *В.М.*